

КУРАШОВ В. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КУРАШОВ Власий Филиппович. Протоиерей, перешел к обновленцам, в течение ряда лет активно сотрудничал с органами ОГПУ. Служил в приходе Кузнецка Саратовской губернии. 20 февраля 1929 — арестован, в июле приговорен к 3 годам ссылки на Урал и отправлен в Шадринск Свердловской области. В декабре 1929 — обратился к Е. П. Пешковой с просьбой о помощи.

<21 декабря 1929>

«Дорогая попечительница страждущих и болезнующих!

Прежде всего, прошу меня простить за послание. 20-го дек<абря> с<его> г<ода> я послал на адрес Вашего комитета <помощи> политзаключенных заявление, прося его о оказании содействия перед комиссией, приложив просьбу или же заявление при сем и на имя Комитета по делам частной амнистии при Президиуме ЦИКа, умоляя ее о помиловании. К сему еще приложил и медицинское свидетельство. Разумеется, Вы уже эти бумажки, небрежно так написанные, надо полагать, читали и увидели, в чем тут дело. Но, тем не менее, мне все же таки хочется Вас посвятить, хотя бы в небольшие детали. Дело в следующем. Обвинен я своим епископом ложно и так нагло. Пьяный этот епископ, живя со мной совместно в одной квартире, однажды ворвался в мою комнату и захватил у меня на столе лежащие справки и унес к себе в комнату. Нашел там мой псевдоним и, когда вернул<ся> обратно, с сердитой иронией сказал: "Что вы носите две фамилии?" Я пытался это замуссировать, но было это поздно. Найдя этот псевдоним, на случай его приберег. Случай этот ему скоро представился. Знал все его грешки и грехи я, он и решил меня, во что бы то ни стало сплавить из Епархии. Но прежде чем сплавить, нужно найти какую-нибудь причину, и он, конечно, ее нашел. С моральной стороны и технической ко мне не подкопаться, он нашел путь грязи и предательства. Он написал в ОГПУ на меня донос, что я, якобы, бахвалился перед людьми связью с ОГПУ и мандат свой показывал кому и не нужно (мандат мне, как благовестнику, выдавался И<сполнительным> К<омитетом>). Этими будто двумя фактами я дискредитировал Сов<етскую> власть. Конечно, это наивно детская ложь. Но епископ к этой лжи принудил молодого иеромонаха Лебедева подписаться. Этот ложный и предательский донос он представил в ОГПУ, и я немедленно был арестован. Дело кончилось тем, что мне Высшая Коллегия Особого Совещания дала 3 г<ода> высылки, применив 58 статью.

Обидно и до глубины души больно. Если бы это было действительно так? Но ведь это сплошная ложь и отвратительная. Все, что мной сделано, так это то, что я выше и сказал. Ведь не мог же я с епископом вступить в единоборство, отобрать и вырвать из рук и дать ему, как бы следовало, по уху. О всем этом я ведь докладывал уполномоченному ОГПУ. Уполномоченный знал и знает об этом, что епископ пьяный всегда бывает, и от него можно всего ожидать. И все ж таки, несмотря на все это, уполномоченный дал ход этой несправедливости, и в результате: арест, тюрьма, этап, болезни, и даже, может быть, смерть?

Пишу Вам это потому, что при рассмотрении моего дела крайне хотелось бы поставить Вас в курс, чтобы ничуть не сомневались, с кем имеете дело. Дело имеете с таким человеком, который давал справки и сведения ОГПУ целых 10 лет, к тому же безвозмездно. И не за страх, а за совесть. Это все делалось и делается из личных моих глубоких

убеждений. Я себя считаю христианским коммунистом и всякий противник этой идеи мною считается врагом социалистического нашего строительства, и я всегда был готов помогать бороться с этими врагами ПРАВДЫ. И вот, увы. За эту мне работу заплатили так скверно...

Дорогая Е. П.! Утешьте старца и борца за Красный Октябрь. Оставьте меру пресечения тем, кто мешает нам в строительстве социализма. Вашему женскому сердцу и нежному чувству души ближе всех других наши страдания и мучения, так невинно нами переживаемые

Разрешите надеяться на извещение от Вас милостивой весточки.

Курашов»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Ответить, чтоб обратился непосредств^{<енно>} с личн^{<ым>} заявл^{<ением>} в ОГПУ. ЕП. 3/1-30».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 382. С. 406-407. Автограф.